

Чернова, М.С. Историко-этнографических изысканий первой половины XIX в. и становлении белорусского народознания / М.С. Чернова // Проблемы славянской культуры и цивилизации: материалы XVI международной научно-практической конференции / Отв. редактор А.М. Антипова – Уссурийск : Дальневосточный федеральный университет, 2012. - С.7-10.

М.С. ЧЕРНОВА

ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИЗЫСКАНИЙ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В. И СТАНОВЛЕНИИ БЕЛОРУССКОГО НАРОДОЗНАНИЯ

«Белорусское племя обратило на себя особенное внимание нашей этнографии только <...> после последнего польского восстания», - писал А.Н. Пыпин, имея в виду события 1863 г. [11, с.7]. Однако следует уточнить, что исторические и этнографические изыскания на территории северо-западного края начались значительно раньше. Земли Гродненской, Виленской, Могилевской и Витебской губерний, которые отошли России в результате разделов Польши, привлекли внимание историков и этнографов еще в конце XVIII – начале XIX в.

Среди тех, кто принял участие в изучении историко-культурного и духовного наследия бывшего Великого Княжества Литовского, были сенатор М. Балутьянский, и граф М. Н. Сперанский. Но настоящий научный интерес к истории, традициям, фольклору Белоруссии возник в обществе благодаря просветительской деятельности членов кружка, созданного в 1810-х гг. государственным канцлером Н.П. Румянцевым.

Для решения широкомасштабных задач в деле изучения археологии, истории, литературы, музыки, живописи, географии, этнографии, фольклора Румянцев сплотил вокруг себя выдающихся деятелей культуры и науки того времени. Осуществление своей просветительской программы он считал делом в высшей степени патриотическим. В одном из писем к русскому мореплавателю и географу И. Ф. Крузенштерну Румянцев писал: «Станем служить всеобщему просвещению, Вы своими пространными познаниями, а я горячим усердием среди такой эпохи, в которой бесстыдно проповедают, что просвещение к благу народному не служит» [Цит. по: 10, с.29].

Московский центр Румянцевского кружка объединил выдающихся собирателей и исследователей фольклорных и историко-литературных памятников Древней Руси: К.Ф. Калайдовича, П.М. Строева, А.Ф. Малиновского и мн. др. В результате их деятельности были подготовлены к публикации сочинения Кирилла Туровского, памятник русского былинного эпоса «Сборник Кирши Данилова». В общей сложности члены «Общества истории и древностей российских» нашли и описали десятки славянских рукописей.

Петербургский просветительский центр первоначально имел целью изыскание, издание и изучение древнерусских летописей, однако впоследствии в круг его задач вошла этнографическая и археологическая поисковая работа на

Кавказе, в Крыму, прибалтийских и северо-западных губерниях. К этой работе были привлечены видные учёные и энтузиасты Ф.П.Аделунг, Х.Д.Френ, Е.Ф.Тимковский, А.М.Шегрен, А.Х.Востоков, В.Г.Анастасевич и другие.

Среди сотрудников петербургской группы ученых оказался библиограф и путешественник П.И.Кеппен. Предпринятые им в 1819 и 1821 гг. путешествия по западным областям Российской империи открыли богатство белорусского историко-культурного наследия: в Витебске он осмотрел средневековые монастыри и костёлы, в Орше – знаменитый Борисов камень, с которого «снял» рисунок. С большим интересом он отнесся к храмам и соборам Полоцка, где ему удалось увидеть, а затем описать крест Ефросиньи Полоцкой. Позднее Кеппен издал брошюру «Список известнейших курганов в России», благодаря чему началась активная историко-археологическая работа в округах Гомеля, Витебска, Полоцка. На территории Белоруссии образовался третий центр Румянцевского кружка. Одним из главных помощников Румянцева стал священник его гомельской усадьбы И.И.Григорович. Следует, однако, вспомнить, что в поисках архивных документов самое активное участие приняли архивариус греко-униатской полоцкой духовной консистории Кунцевич, архимандрит И.Шулакевич, смотритель полоцких уездных училищ А.М.Дорошкевич, служащий полоцкого уездного казначейства И.Сыщанко и переводчик могилёвского магистратского суда Н.Г.Гортынский, а также преподаватели Виленского университета: профессор российской словесности И.Н.Лобойко, профессор права И.Н.Данилович, историк И.Лелевель.

Благодаря стараниям возглавляемой Григоровичем группы энтузиастов в одном из монастырей Полоцка было обнаружено Добрилово Евангелие 1164 г., в монастыре Гродненской губернии удалось найти Супрасльскую летопись. В 1824 г. на средства Румянцева была издана первая часть «Белорусского архива древних грамот». Во вступительной статье к «Белорусскому архиву» Григорович подчеркивал, что многие документы имеют отношение не столько к российской истории, сколько к истории Белоруссии, и именно поэтому они представляют особый научный интерес. Интересно отметить, что, ознакомившись с опубликованными историческими материалами, именно Григоровичу Румянцев рекомендовал составить русско-белорусский словарь.

В атмосфере подъема национального самосознания, которое испытывали в начале XIX в., по сути, все народы Европы, вопрос о языке стал особенно актуальным. Г.И. Гердер, теоретически обосновавший идею народности, писал: ««Есть ли у нации что-нибудь дороже родного языка? В языке воплощены все сокровища ее мысли, ее традиции, ее история, религия, основы ее жизни, все ее сердце и душа. Лишить народ языка - значит лишить его единственного вечно-го блага» [1, с.178].

Что касается белорусского языка, то его изучение стало к этому времени насущной необходимостью. Во-первых, отсутствовали какие-либо четкие представления о происхождении и закономерностях его развития: зачастую его соединяли с малоросским наречием. Во-вторых, вопрос о белорусском языке был связан с общественно-политическими и идеологическими проблемами, обусловленными русско-польскими отношениями. Как отмечал А.Н. Пыпин, бело-

русский словарь был нужен, чтобы «выяснить окончательно вопрос о характере языка, который поляки хотели понимать или как лингвистическую смесь, или даже как простое местное наречие польского языка, и который для русских оставался, в сущности, неясен до словарной работы Носовича» [11, с.70].

Но закончить работу над «Словарем белорусских наречий» Григоровичу не удалось. В октябре 1852 года протоиерей Иоанн Григорович умер и был похоронен на Волковском кладбище Санкт-Петербурга. Тем не менее, значение его подготовительной работы велико: он оказался среди тех, кто закладывал основы колоссальной поисковой и издательской деятельности Археографической комиссии в Петербурге, Киеве, Вильно и др.

Значительную роль в славяноведении и изучении старобелорусского языка и славяноведения сыграл прот. М. Бобровский. В 1825 г. в «Вестнике Европы» в его переводе было опубликовано сочинение диакона Матфея Совича «О незнании славянского книжного языка в Далмации». В примечаниях к работе хорватского слависта Бобровский доказывал недопустимость использования латинского алфавита в славянской письменности, ведущего к искажению славянского языка. Языковая ситуация в Хорватии позволила ему высказать свои мысли о судьбе славянского языка в Белоруссии: «Язык первобытный славянский обязан был греческому как буквами, так и всем своим составом. Он образован переводами греческих творений – Священного Писания, книг богослужбных, святых отцов Восточной Церкви, – образован летописью Нестора и его продолжателей, будучи как бы посвящен богослужению, он приобрел себе права на первенство, на уважение и на бытие прочное. Он, однако, не остался свободным от изменений. У нас не обременяли его чуждыми буквами, ибо в наше только время видим примеры, что для любопытных читателей польских журналов славянские выражения печатаются письмом латинским. Со всем тем влияние родственных наречий, недостаток хороших азбук, грамматик и словарей, отсутствие критики благоразумной, неуважение к греческому обряду в Речи Посполитой, не говоря уже о других, были слишком сильными причинами порчи и едва не совершенного истребления между нами родного языка предков наших» [Цит. по: 9, с.390]. Далее Бобровский поставил вопрос о необходимости подготовки и издания сравнительного словаря славянских наречий.

Однако справедливости ради следует уточнить, что едва ли не первым к вопросу о белорусском языке обратился московский ученый К.Ф. Калайдович. Он начал его изучение в 1812-1813 гг., а затем опубликовал специальную статью «О белорусском наречии» и «Краткий словарь белорусского наречия». «Намерение, руководствовавшее меня к написанию статьи сей, состояло в том, дабы обратить на столь важный предмет внимание самих белорусцев. На белорусское наречие досель никто не обратил внимания, хотя оно весьма того достойно», - писал Калайдович.

К числу первых ученых-белорусоведов принадлежал И.Н. Лобойко, выпускник Харьковского университета, ставший в Виленском университете профессором российской словесности. Всю кирилловскую письменность Великого княжества Литовского он называл «белорусской». В письме к прот. И. Григоровичу, он писал: «Когда я в 1822 г. приехал в Вильно, я весьма удивлен был

письменным памятникам белорусского наречия, но мое удивление еще более возросло, когда я увидел, что здешние архивы по большей части ими наполнены» [Цит. по :9, с.270]. Лобойко считал своей главной задачей изучение «обширной области» знания «под именем белорусской словесности». Он мечтал, чтобы «белорусская словесность еще при жизни» его (Лобойко – М.Ч.) «из мрака забвения с достоинством выступила на свет». Следует подчеркнуть, что именно он первый стал широко употреблять термин «белорусский», расширив этно-территориальный его смысл.

Однако в начале XIX в. оставалась неясность как в названии северо-западного края, так и народа, в нем проживающего. Как писал историк Н. И. Костомаров, «Литва – это название стало собственностью белорусского края и белорусского народа» [4, с. 35].

И. Морзалюк подчеркивает, что впервые белорусами называли православных литвинов, попавших в плен во время русско-польской войны 1654-67 гг. Но по отношению ко всем литвинам термин «белорусы», уточняет историк, стал употребляться после присоединения земель Великого Княжества Литовского к Российской империи в результате разделов Речи Посполитой в XVIII веке, однако окончательно он закрепился только к 1880-м гг. [8].

Серьезные труды по белорусско-литовской истории датируются концом 1830 – началом 1840-х гг. Одновременно Т. Нарбутом, Ю. Ярошевичем, Ю. Крашевским, Даниловичем и был представлен большой материал, посвященный мифам и бытовой жизни древних литовцев. Наряду с историческими изысканиями появились фольклорные сборники Я. Чечота и Р. Зенкевича. Особенность этих работ состояла в обосновании идеи самобытности Литовской Руси, что во многом определялось складывающейся в крае идеологической обстановкой: после упразднения Виленского университета в общественной и литературной жизни западной Белоруссии идеи о реставрации старой Польши уступили место идеализации литовского прошлого. Постепенно сложилось убеждение, что под властью Польши литовский народ изменился «по польским образцам: язык, народность, одеяния, нравы, обычаи, порядок судопроизводства, чиновное положение, - одним словом, все, что составляет отличительные признаки существования особого народа». «Литва как бы исчезла с лица земли», - писал П.В. Кукольник. [5, с. 24]. «Осталось только имя Литвы, а следы ее народности сохранились под соломенными крышами бедных земледельцев» [6, с. 43].

Своеобразный миф о Литве, навсегда ушедшей в прошлое и исчезнувшей, словно Атлантида, создавала и русская литература в первой четверти XIX в. Этот миф не был основан ни на реальной истории, ни на действительных представлениях о белорусско-литовском крае и ее жителях. Образы литовцев представляли собой плод воображения авторов баллад, псевдоисторических романов, повестей и поэм, требовавших, по законам романтизма, обращения к временам, давно прошедшим. Художественные произведения русских писателей той поры, так или иначе затрагивавших литовскую тему, объединяет общее представление о литовском крае как чужом, враждебном, таящем угрозу для русской земли. Такой взгляд обнаруживается в «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина, в балладе В. А. Жуковского «Вадим», в думах «Глин-

ский» и «Курбский» К.Ф. Рылеева, в «Романе и Ольге» А. А. Бестужева-Марлинского, в исторической драме «Елена Глинская» Н. А. Полевого.

Всякий раз при упоминании Литвы в русской литературе появлялся эпитет «чужой». «Тесный дом» мертвого жениха в балладе Жуковского «Людмила» находится «там, в Литве, в краю чужом». В «Боярине Орше» А.С. Пушкина рассказывается о местах «близ рубежа Литвы чужой», а «беспокойная Литва / С толпою дерзких воевод / На землю русскую идет». Бестужев-Марлинский и Полевой рассказывают о том, что паны приводили литовцев на русскую землю «на разбой и убой».

Показательным является тот факт, что враждебность литовцев в русском представлении связывается с агрессивностью иноверия. В «Вадиме» Жуковского литовский князь — «враг церкви православной». Конфессиональными отличиями обуславливаются различия культурные и нравственные. Жуковский, например, описывает звероподобную внешность вооруженного дубиной исполина-литвина, одетого в медвежью шкуру, и называет его «хищником». «Медвежья кожа на плечах» надолго стала едва ли не обязательной деталью облика литовца, что было связано с историографическими сведениями, согласно которым литовским воинам латы и панцири в древности заменяли медвежьи шкуры шерстью вверх, а «шкура с головы зверя и челюсть его, с зубами» — шлем [3, с. 11]. Литва и литовцы, таким образом, приобрели в романтической русской литературе черты экзотические и малодостоверные.

Связано это было с тем, что в русском представлении вся Речь Посполитая отождествлялась с исторически враждебной Польшей и потому Литва воспринималась как «польский край». Ф. Н. Глинка, например, в стихотворении «Партизан Сеславин» (1827) называет Вильно — «польским градом», а на страницах «Писем русского офицера», посвященных столице Литвы, он упоминает о польских женщинах, «гостеприимных, но смущенных победой русских». [2, с. 60–63, 212–213, 252–253].

Важную роль в преодолении созданного русским романтизмом представления о белорусско-литовской чужеродности и враждебности сыграли труды П.В. Кукольника.

Имя профессора Павла Васильевича Кукольника сегодня незаслуженно забыто. Однако именно он одним из первых начал рассматривать историю северо-западного края в единстве с историей русской. Именно Кукольник предпринял попытку обосновать не только историческое и этническое, но, прежде всего, духовное родство русского и белорусского народов. Исследования Кукольника получили в России широкий общественный резонанс и многим открыли правду о белорусской земле.

Кукольник родился в 1795 г. в г. Замосце и принадлежал к униатской церкви. В 1821 г. он принял православие и стал верным его служителем идеалов. Свое сильное религиозное чувство Кукольник выразил в стихотворениях, драмах и поэмах.

В 1824 г. Кукольник был назначен профессором в Виленский университет по кафедре всеобщей истории и статистики. Должность профессора он совмещал с работой в виленском цензурном комитете. После упразднения универси-

тета в 1831 г. Кукольник читал лекции по всеобщей истории в виленской римско-католической духовной Академии. С открытием в Вильно медико-хирургической Академии в 1833 г. он преподавал там русский язык и до выхода в отставку в 1865 г. продолжал служить в цензуре. С этого времени и почти до последних своих дней (1884 г.) он безвозмездно читал лекции по истории в Виленском женском приюте при Мариинском монастыре.

Уже первые исторические труды Кукольника обратили на себя внимание русских ученых, высказывавших самые лестные отзывы о глубоких знаниях автора как прошлой, так и современной жизни северо-западного края. Например, «Журнал Министерства Народного просвещения» в 1854 г. отмечал, что «обычай, поверья, предрассудки, пляски, обряды, песни и пословицы литовцев», собранные Кукольником, «обнаруживают в авторе обширные познания и в исторической, и в современной народности литовской, счастливую наблюдательность и необыкновенное трудолюбие. Его труд — драгоценный материал для будущего историка Литвы... На русском языке такое собрание этнографических сведений о Литве является в первый раз» [12]. Результатом научной работы Кукольника стали «История управления и законодательства в Литве» (1853), «Черты из истории и жизни литовского народа» (1854), «Исторические воспоминания о реке Немане» (1860), «Исторические заметки о Литве» (1864) и др. Кроме того, Кукольник предпринял попытку составить «Историю Великого Княжества Литовского». Правда, в печати эта работа не появилась, т.к. автор посчитал свой труд несовершенным.

«Могущество и благосостояние Литвы зависало именно от ближайшего соединения с Русью, и чем более ослабляема была эта связь, тем ощутимее были потери Литвы», - писал Кукольник [5]. Подобные утверждения давали повод для обвинений его в русофильстве и верноподданничестве. Оценка исторической концепции Кукольника не входит в задачу данной работы. Но нельзя не признать значения его этнографических изысканий в деле пробуждения интереса друг к другу двух братских народов. Исследования Кукольника помогали преодолеть настороженное отношение к жителям северо-западных земель Российской империи; перестала твердить о литовской враждебности и русская литература. В историческом романе Нестора Кукольника «Альф и Альдона», младшего брата Павла Васильевича, события разворачиваются в Литве XIV в. Ее населяют язычники, которые поклоняются множеству богов и при помощи многочисленных жрецов и волхвов творят причудливые обряды. Пребывая в «диком состоянии», литовцы-белорусы воюют с немецкими рыцарями, а затем Русь «смешалась с Литвою» и внесла «в быт язычников свои нравы», пролагая им «пути к принятию христианства» [7, с. 149].

После подавления польского восстания 1863 г. актуализировались этнографические теории, которые рассматривали Литву как часть русско-литовского государства. Сторонники этих теорий не без оснований доказывали, что народ, населяющий северо-западный край, изначально был близок русскому народу. Насильственная католизация литовцев, виновником которой называли князя Ягайло, имела отрицательные социальные и этические последствия. Художественные произведения, появившиеся в 1860-е гг. иллюстрировали

мысль об исконной склонности литовцев к православию и чуждости им польской католической цивилизации. В этой связи следует назвать драматические сцены драматические сцены из времен князя Ольгерда «Свержение язычества в Вильне» (1866) и пьеса «Бирута и Кейстут» (1867), исторический роман «Ягайло» (1867–1868) С. Ф. Калугина.

Литература.

1. Гердер, Г.И. Идеи к философии истории человечества. (Памятники исторической мысли) / Г.И. Гердер – М. : Наука, 1997. – 705 с.
2. Глинка, Ф. Письма русского офицера, о Польше, австрийских владениях, Пруссии и Франции, с подробным описанием Отечества и заграничной войны с 1812 по 1815 год / Ф. Глинка - М., 1870.
3. Киркор, А. Литовские древности (Объяснение виньет-ки) / А. Киркор - Черты из истории и жизни литовского народа - Вильно, 1854. С. 7–20
4. Костомаров, Н. И. Две русские народности / Н.И. Костомаров – СПб., Основа, 1861. С.33-80.
5. Кукольник, П. Исторические воспоминания о Немане / П.Кукольник - Памятная книжка Виленской губернии на 1860 год. Ч. 2: Историко-статистический сборник Виленской губернии. Электронный ресурс: http://www.russianresources.lt/archive/Kuk/Kuk_22.html.
6. Кукольник, П. В. О пособиях к дополнению литовской истории / / П.В. Кукольник Записки Виленской археологической комиссии. Ч. I. Вильно, 1856. С. 40–47.
7. Кукольник, Н. Альф и Альдона / Н. Кукольник - СПб., Изд. Глазунова и К, 1842.
8. Марзалюк, І. Тэрміналогія этнічнай гісторыі Беларусі 14-17 ст.: набліжэнне да рэаліяў, ці стварэнне новых міфаў? / І. Марзалюк - Гістарычны альманах -2003 - Т. 9. С. 113-122.
9. О профессорах богословского факультета Виленского университета в настоящем столетии». Христианское чтение. 1888. Ч. I.
10. Пасецкий, В. М. Иван Федорович Крузенштерн / В.М. Пасецкий - М., Наука, 1974. — 176 с.
11. Пыпин, А.Н. История русской этнографии / А.Н. Пыпин // Белоруссия и Сибирь. Т. 4 - СПб., Типография Стасюлевича, 1892 - 488 с.
12. Шверубович, А. Братья Кукольники / А. Шверубович – Вильно, 1885. Электронный ресурс: http://www.russianresources.lt/archive/Sverubovic/Sverubovic_1.html